

Наталья Волохина

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сумерки в лабиринте

Мистическая детективная повесть

Наталья Волохина

Сумерки в лабиринте

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Волохина Н.

Сумерки в лабиринте / Н. Волохина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-5320-9197-9

Мистическая остросюжетная повесть с элементами детектива. История о женщине - актрисе, красивой, сильной, талантливой, но очень ранимой и одинокой. За волевой характер, летящую походку студенты называют её Валькирией. Кто же скрывается за маской светской львицы: хрупкая женщина или жестокий Воин тьмы? Как выбраться из сумеречного лабиринта, в котором все полюбившие её мужчины гибнут? Даже крепкие стены сумасшедшего дома не могут защитить героиню. Кто выведет её саму из сумерек лабиринта? Конечно, любовь. Но любовь и смерть всегда рядом. Как сбежать от одной из них? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9197-9

© Волохина Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1 Глава	5
2 Глава	6
3 Глава	7
4 Глава	9
5 Глава	10
6 Глава	13
7 Глава	14
8 Глава	15
9 Глава	16
10 Глава	17
11 Глава	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

1 Глава

Евроремонт превратил памятник деревянного зодчества в модернизированный свихнувшимся хозяином деревенский курятник. Снующие между столов клуши – методистки спешили снести яйца отчетов и планов городской культуры. Несмотря на толпу празднующихся разномастных деятелей искусств мужского пола, большая часть яиц оставалась неоплодотворенной. Партеногенезные птенчики культурных мероприятий круглый год пугали горожан своими уродствами. Но в мэрии поощряли потуги творческой интеллигенции, исправно выдавая деньги на содержание инвалидного потомства.

На Настю, как на предмет интерьера, никто не обращал внимания. Наконец, заметила главная курица, по совместительству её подруга – Сонька. Пока, дымя сигаретой и раздавая на ходу указания, она двигалась в её сторону, «мебель» с тоской размышляла о том, сколько никчемных, пустых лет эти тётки здесь прокопошились. «Твою мать! Неужели и моя жизнь прошла в курятнике?» Пронзительная мысль вытолкнула из гостевого кресла и швырнула во вкусный весенний воздух.

Выдохнула табачный дым и заскользила по аллее к выходу между весело кивающими ветками кленов. Улыбки прохожих, привлеченных её арабесками и кабриолями, нисколько не смущали. Даже мигом намокшие в талом снегу пуанты не беспокоили.

Порывистый танец кардинально изменил настроение. «Я-то при чем? Пусть себе копошатся», – подумала о курятнике. И вдруг замерла посреди тротуара, уставившись на Дом купца Алдонина. Огромные постмодернистские стеклянные двери сделали старинный особняк похожим на пожилую невесту, вырядившуюся в подвенечное платье, а яркий макияж вывесок усиливал нелепый вид. Дама изо всех сил старалась держать приличный тон, обнажая в натянутой улыбке парадного крыльца перламутровые зубы шикарной плитки, таращась подведенными глазками витрин.

Настя, вдруг ощутила твердые носки пуантов, мокрую ткань, прилипшую к озябшим ногам, устало опустила на всю стопу прямо в грязную снежную кашу. «Как же я домой – то в пуантах дойду?» – затосковала она, выбирая на тротуаре местечко посуше.

Неожиданно лужи остались далеко внизу. Сильные руки подхватили, закружили, понесли в спасительное тепло. «У нас ведь свадьба!» – неожиданно вспомнила.

Их давно ждали. Жених растер Настины озябшие ноги, налил водки, от которой она мигом поплыла. Так и сидела босая, пьяненько улыбаясь, блаженно привалившись к родному плечу. Гости лицемерно – сочувственно улыбались, словно каждый знал, что невеста пьянчужка. Но царапнувшая обида ускользнула, тело наполнилось томительной нежностью к любимому, близкому. И он никого и ничего вокруг не замечал, обнимая, свою еди-и-инственную.

2 Глава

Настя повернулась, чтобы смотреть, не отрываясь, в родное лицо, обвила руками подушку и проснулась. Долго лежала, не открывая глаз, старалась удержать звериную нежность в подвздошье, в груди, боясь её выдохнуть. Все утро прикрытыми веками отгораживалась от контрастных углов реальности, удерживая на сетчатке глаз родной образ. Углы нещадно мстили, то и дело вонзаясь, в мечущееся по дому упругое Настино тело.

Проспала, конечно. «Какой дурак ставит первую пару», – со студенческой злостью подумала она. «Не дурак, а Тамарка – гадина, – поправила себя. – Знает змеюка, что мне вставать рано – нож к горлу». Фамилия деканши соответствовала гадской натуре – Гадецкая, – а яд старухиной неприязни отравлял Настину жизнь в любой подходящий момент. «Или неподходящий, с чьей стороны смотреть, – усмехнулась отравленная и тут же спохватилась, даже грудь ощупала. – Где? Все! Нет! Утекло, ушло!». Замерла, постояла, пытаясь ощутить глубоко внутри хоть малюсенький комочек ночной нежности, ничего не нашла и со вздохом заставила себя покинуть убежище.

Углы торжествующе смотрели ей вслед.

3 Глава

Как ни старалась, не удалось сберечь сухое тепло в стильных сапожках – на остановке выпрыгнула прямо в грязную жижу. «Пуанты надежнее», – поджимая пальцы, с улыбкой вспомнила ночную прогулку. И тут, точно во сне, кто-то подхватил и перенес на сухой островок тротуара. «Жаль, не на свадьбу», – рассмеялась Настя, приземлившись прямо перед пронзительные змеиные очи Тамарки. Олежек, блондинистый атлант с античным профилем, спасший кураторшу из талых вод, скользнул за спину мегеры и растворился в холле среди студентов.

– Репетируете с раннего утра? – ядовито поинтересовалась Тамарка.

– С ночи, – в тон ей ответила Настя, пытаясь тоже проскользнуть мимо деканши.

Но та загородила плоской фанерной фигурой дорогу и зашипела: «Я вам иду навстречу, ставлю пары с самого утра».

«Вот сука», – подумала Настена. Вслух с максимальным подтекстом выдала: «Я безмерно благодарна! Кто бы еще так обо мне позаботился?!»

– Я не ради благодарности, да вы на неё не способны, а для общего дела, в данном случае – отчета. А чтобы высыпаться, по ночам спать надо, а не...

– ... трахаться? – закончила за неё Настя.

Тамарка поперхнулась, покрылась красными пятнами, рванулась к двери, услужливо распахнутой перед ней кем-то из студентов.

Победа подогрела радостную злость, отодвинула мысль о треклятых бумажках, сжиравших море времени и сил. Через десять минут, высушив в туалете бумажными полотенцами мокрые колготки, сунув ноги в уютные разношенные туфли, Анастасия Николаевна впорхнула в репетиционный зал.

Студенты всегда с замиранием сердца наблюдали за походкой наставницы, пытаясь с порога распознать, в чьем образе нынче явилась. От этого зависела их нелёгкая жизнь в ближайшие четыре часа. Ясно, что она в любом случае будет напряженной, но одно дело сильфида, другое, как сегодня, валькирия.

«Валькирия» обвела группу цепким взглядом, замечая любую мелочь, каждое движение, и замерла перед сценой. Не села в любимое кресло – дурной знак. Народ подобрался, демонстрируя полную боевую готовность.

– Кому сидим? Кому кроликов изображаем? – звучным голосом поинтересовалась Анастасия. – На мастерстве зверушек будете показывать. Давайте работать. Сцена битвы. Начали!

С чего бы еще могли начать при таком её настроении? Подстегиваемые жесткими окриками, ребята быстро разогрелись и вошли в нужный темп. Она, почти довольная, делала короткие, точные замечания, и, казалось, репетиция пройдет благополучно, но на любовной сцене неожиданно застряли. Утренний спаситель, Аполлон – Олежек, мямлил, его партнерша куksилась.

– Что за курица здесь пробежала?! В прошлый раз все было! Что вы там квохчете?!

Анастасия неожиданно выросла за спиной девицы, отчего та вздрогнула и скукожилась.

– Ну, было же все. Что ты скулишь? Спроси его о главном. Ты в последний раз спрашиваешь. А дальше нет ничего, кончится всё, убьют его! – бушевала Настя.

Она резко обернулась и оказалась лицом к лицу с пленником, уцепившимся побелевшими пальцами за веревочную решетку декорации. Серые глаза ночного возлюбленного из сна слали неистовый, страстный призыв. Настя поперхнулась, с трудом проглотила жесткий ком и тихо, с силой вытолкнула: «Как же ты мог оставить меня?» Реплика была не по тексту, но Олег подхватил: «Я должен!».

– А как же я?! Как я?! – голос наполнился невыносимым страданием. – Как же я буду без тебя?! Как я буду без тебя жи-и-и-ть?!

Мучительный крик облетел зал и замер.

– Я вернусь, – тихо, но твердо и ясно казал Олег.

Неожиданно она просунула руки сквозь ячейки веревочной решетки, взяла в ладони его лицо и притянула близко – близко к своему. Долго смотрела в глаза, прощалась. Казалось, еще миг и выпьет поцелуем потаенную нежность возлюбленного. Но нет, отпустила, отступила на шаг, медленно, с трудом, отвернулась, сгорбилась и поплелась вниз, в темный зал. Спряталась в свое кресло и молча слушала ноющее сердце.

Ребята отмерли, аплодировали. «Слава богу, решили, что показ. Гениальный показ прощания с жизнью», – глотая слезы, думала Настя. Собралась с силами и, почти нормальным голосом, объявила перерыв. Народ, бурно обсуждая случившееся, рванул в курилку. Последней, медленно, беспрестанно оглядываясь на замершего посреди сцены Олега, ушла «главная героиня». Он стоял и смотрел в темноту, точно в то место, где корчилась Анастасия.

Отвел рукой решетку, уверенно двинулся к ней. Сел рядом и ровно произнес: «Анастасия – значит, преодолевшая, а еще воскресшая».

– Я попробую, – попыталась отшутиться, – ты иди.

– Я вернусь, – тоже полушутя ответил он.

Настя промолчала.

После перерыва репетировали сцену убийства.

4 Глава

Убить. Положить пальцы на тощую грязную шею, прямо на голубую бьющуюся жилку, придавить её и ждать, пока перестанет пульсировать. Она не будет дергаться, так и умрет, не заметив ничего в коматозе. А если будет? Если будет, можно взять за голову и резко повернуть её вбок, до щелчка сломанного позвоночника. Потом медленно опустить на кровать и наблюдать, как гаснет водянистый взгляд.

Новенькая соседка тревожила Настю своим жутким сходством с Ольгой. Те же рыбы мутные глаза, лягушачий рот, маленькая круглая головка на тонкой шее. Плоскогрудую, плоскозадую фигуру утяжеляли накачанные ноги и руки танцовщицы, казалось, пришитые от чужого тела. Короткими пальцами с плоскими квадратными ногтями, она без конца теребила то край одеяла, то подол больничного халата, блуждая отсутствующим взглядом по беленым стенам.

«Этими мерзкими, корявыми щупальцами лапала грудь, лезла, царапая заусенцами, в промежность. Гадость какая! Сука! Руки сильные, жесткие, как клещи. Дыхание зловонное от табачного перегара. Что, если отчистить разделочными ножницами уродливые пальчики и засунуть их ей по одному... Нет здесь никаких ножниц, ничего колюще – режущего нет. Только мягкое, вонючее постельное белье».

Настя сняла наволочку, оглянулась на запертую дверь и на цыпочках двинулась к «Ольге». Подошла вплотную, та никак не отреагировала. Продолжала молча раскачиваться. Ничего не изменилось и, когда наволочка скрыла голову, а завязанные края плотно сжали жилистую шею. Отвратительные пальцы все также перебирали обтрепанный край одеяла. Настя приготовилась затянуть узел, но в коридоре послышались голоса и звяканье посуды. Поспешно развязала, сорвала наволочку с головы соседки и до прихода санитарок успела надеть обратно на свою подушку.

Няньки внимательно осмотрели больных, не заметив ничего необычного, разлили по тарелкам вонючий суп с мочалками расплывшейся капусты, шлепнули по шматку слипшихся макарон, украсили натюрморты на тумбочках стаканами с мочой, именуемой чай с сахаром. Настя отпила немного и, не притронувшись к еде, легла, свернувшись калачиком, лицом к стене.

Ночью её мучил, исходивший от соседки тухлый запах немытого тела, проникающий в носоглотку даже через сложенное вчетверо полотенце. Не выдержала, резко села и в свете ночника увидела устремленные прямо на неё рыбы глаза. Ольга не раскачивалась, не перебирала пальцами, сидела, не шевелясь, вперив в Настю безумный взгляд.

– Ты что? Чего уставилась?

Сумасшедшая не ответила. Настя трясушимися руками сняла наволочку, накинула ей на голову, связала концы и изо всех сил стянула узел. Впервые за неделю соседка подала голос – завизжала. Не переставая вопить, с неожиданной силой она схватила душившие руки, мешая затянуть смертельную петлю.

Санитары и медсестры знали свое дело. Разняли, упаковали, укололи, уложили.

Утром доктор Иван Ильич долго расспрашивал Настю, что случилось, кто на кого напал, и почему на голове у Светланы была наволочка.

– У какой Светланы? – удивилась Настя. – Я надела Ольге на голову наволочку, при чем тут какая-то Светлана.

– Анастасия, вашу соседку зовут Светлана, неужели вы за год не запомнили её имени? Анастасия Николаевна, вы меня слышите?

5 Глава

– Анастасия Николаевна!

Настя вздрогнула и, наконец, отозвалась:

– Почему год? Всего неделю.

– Ну, как же неделю? – вскипел проректор. – Мы в начале учебного года анкеты выдали, конец второго семестра, а вы до сих пор не сдали, между прочим, одна из всех кураторов. Настя потерла пальцами виски и пробормотала: «Ерунда какая-то».

После столь наглого замечания проректор Иван Ильич побагровел, засопел, хрюкнул и заголосил:

– Что вы себе позволяете? Думаете, если у вас там, – он ткнул пухлым пальцем в потолок, – свои люди, можете оскорблять всех подряд. Тамару Ивановну сегодня до слез довели.

Настя изумленно глянула на Тамарку. Что – что, а заплакать она вряд ли могла. Интересно, где у неё яд? Где у змеи яд? Надо будет посмотреть у Брема.

– Насчет слез я сомневаюсь, а про анкету... Что вы так обижаетесь, будто сами этот бред написали?

Коллеги дружно прыснули. Настя нечаянно попала в точку. Заведующий из багрового – красного сделался бледно – синим и свистящим шепотом выдал:

– Вы, вы – нахалка. Зазвездившаяся...

«Блядь», – чуть было не ляпнула Настя, но вспомнив утреннюю стычку с Тамаркой, промолчала. Сдернула ремешок сумки со спинки стула и с мыслью: «А вот ремешком хорошо бы получилось его придушить. Так бы и впился в жирную шею», – покинула заседание кафедры.

Позволить себе такой финт могла только Настя, к чему все давно привыкли, а начальство притерпелось, хоть и буйствовало иногда, как сегодня. На самом деле Настена ничего себе не позволяла, просто делала, что хотела, не опасаясь увольнений, не надеясь на волосатую руку. Уволят, так уволят. Обычно не увольняли, она им была нужнее, чем они ей. Никаким пофигизмом, выпендрежем, хамством тут и не пахло. Отсутствие барьеров и авторитетов – естественное Настино состояние с момента рождения. А про звездизм – это он от зависти.

«А вот выпьем сейчас с Сонькой кофейку в “Пещере”». Вспомнился вкус больничного чая, и рот наполнился горьковатой слюной. «Что за черт?! Засыпать стала среди бела дня, и снятся мерзости всякие. Хотя на заседании кафедры и не такое привидится», – хмыкнула Настя и зацокала каблучками по оголившемуся асфальту.

– Анастасия Николаевна!

– Что ж за день-то такой! – разозлилась Настя. – Покину я сегодня эти галеры?! Чего тебе, Олежек?

Античный герой глянул на неё родными серо-голубыми глазами, и в солнечном сплетении завожился знакомый комочек боли. «Сбрендила, старая дура! – выругала она себя. – Ну, похож – похож на Андрея, а дергаться-то зачем». Пока он шел к ней, откидывая белокурые волосы со лба, таким знакомым жестом, что зубы ныли, она старалась справиться собой, «сделать» нормальное лицо. Но воспоминание об утренней репетиции смело остатки сопротивления, и острая боль пронзила висок. Настя резко побледнела. Олег испуганно спросил: «Вам плохо? Давайте, я вас провожу».

– Нам плохо, давайте, – попыталась пошутить, но вышло как-то жалко.

И пока он вел её, уверенно ухватив под руку, усаживал на любимое местечко в «Пещере», размешивал сахар в чашке с кофе, она, ни слова не понимая, слушала его успокаивающий голос и потихоньку отпускала, растапливала иголку в виске и жесткий комок боли в животе.

– Вы согласны? – неожиданно пробился вопрос.

– С чем?

– Как, с чем? Что нужно заменить или меня, или Ляльку в спектакле.

– Зачем?

– Вы меня совсем не слушали? Я же объяснил, у нас не получится с ней.

– Почему? У вас чудный дуэт...

– Был.

– Почему – был? Просто последняя репетиция, – Настена замялась, – неудачная. Так бывает. Пройдет.

– Не пройдет, а прошло, – упрямо сказал Олег.

Обозначились скулы, жесткие складки у рта. «А он уже не Олежек, – подумала Настя, – вырос». Вслух спросила:

– Что прошло?

Он собрался с духом и выпалил:

– Влюбленность наша с ней прошла. Ну, или моя. Она смотрит на меня все время, как брошенная собачонка, и скулит, вы правильно сказали. А там надо, ну, вы знаете.

– А куда влюбленность подевалась? – насмешливо спросила Настя и процитировала, – «Вчера еще в глаза глядел, а нынче – все косится в сторону. Вчера еще до птиц сидел, – все жаворонки нынче – вороны».

Олег вспыхнул.

– Вам уже лучше? Тогда я пойду.

– М-да, ненадежный ты кавалер, да и любовник, получается, ненадежный.

Настя понимала, что провоцирует, но не могла затормозить, словно вместе с шипами и иголками растаяли тормозные колодки. И это была явно сексуальная провокация, абсурдная, но приятная.

Вспомнилось, как много лет назад, на этом самом месте она вот также с удовольствием, врасстяжечку, дразнила жгучего красавца, кареглазого брюнета, ужас, какого известного артиста, Юрочку. А он молча улыбался загадочной, отстраненной улыбкой и не сводил с неё умопомрачительных глазниц. Для неё, пока что, это была игра, а он сразу понял, что пропал. Ох, как «звезды в ночи светили, детям глаза слепили! Ах, как они любили!»

«Да что со мной? Наваждение. Надо выпить. Надо срочно выпить», – по-довлатовски подумала Настя.

Погасила загадочную улыбку. Двумя привычными точными движениями собрала и завязала в узел непослушные, выющиеся черные волосы. «Официальным» голосом подвела черту:

– Хорошо, Олег, я подумаю.

От неожиданности он откинулся назад. Но тут же овладел собой, поймал нужный тон и, ответив: «Спасибо, Анастасия Николаевна», – поднялся и быстро пошел к выходу.

«Все повторяется. Вот так же Юра уходил через этот полутемный зал в их последнюю встречу. Ушел навсегда... Надо срочно выпить. Надо выпить».

Холодная водка сначала не произвела на неё никакого действия, но через пару минут в животе потеплело, и рука привычно полезла в сумочку за сигаретами. «Черт! Курить бросила. Иногда жаль. Сейчас бы затянуться», – затосковала Настя. Официант «прочитал» её жесты и понятиливо исполнил безмолвную просьбу, выложив на стол пачку и зажигалку. Она благодарно кивнула.

На маленькой эстраде музыканты настраивали аппаратуру. Юра стоял посреди сцены и смотрел, как она идет через зал. Положил гитару и двинулся навстречу. Лабухи, официанты, посетители замерли, наблюдая их сближение. Словно воздушные гимнасты скользили по проволоке с электрическим током, искрило. Сошлись. Он бесконечно долго смотрел ей в глаза, наконец, сказал: «Люблю. Но время кончилось. Поздно». Она поняла – это прощение и прощание. Как больно! Сейчас сердце разорвется.

Но не выдержало его сердце. Умер под окнами кардиологического отделения, на остановке. Почему на остановке? Он и на автобусе никогда не ездил.

Сморгнула слезу, плеснула в рюмку остатки водки, глотнула и поспешила в ночь, скользкую, сырую, ветреную.

6 Глава

Ветер ерошил густую Юрину шевелюру. Она смотрела из окна второго этажа, как оркестранты выносили инструменты, аппаратуру, кофры, укладывали в кузов грузовика. Странная машина для гастролей. Как и куда они на ней поедут? Больше всего тревожило, что Юра уедет не попрощавшись. Вот музыканты забрались наверх, закрыли задний борт. Хотелось реветь от обиды и отчаяния, но Юра поднял голову и махнул ей рукой. Мигом вылетела во двор, прижалась, растворилась. Господи! Как хорошо! Так бы и стояла вечность, нет, вечности.

– Возьми меня с собой!!!

– Тебе нельзя со мной.

– Ну, почему?! Я хочу с тобой! Прошу тебя! Прошу-у-у!

– Тебе пока нельзя со мной.

– А когда будет можно?

Молчит.

– Почему ты не отвечаешь? Ты не хочешь взять меня?

– Не могу. Не разрешат.

– Кто может нам запретить?!

А сердце молотит, как бешеное. И так больно, так тоскливо. Вот сейчас, сию минуту, уедет. Не-вы-но-си-мо!

Он оторвал её от себя и запрыгнул в кузов. Закричала, срывая голос, полезла за ним, протягивает руки: «Помогите!». Мужчины молча отвернулись. Юра отвернулся. Почему все стоят? Как же они поедут стоя? А сама все карабкается. Вот сейчас, почти получилось. И вдруг он обернулся. Лицо черное, вздувшееся, страшное – лицо покойника. Отпрянула, спрыгнула вниз. Машина тронулась.

– Напугать хотел! А я опять предала его. Надо было все равно лезть, хвататься за него. Не могу без него! Он же мой!

Машина исчезла из виду.

– Теперь все. Теперь нескоро.

Так безутешно она не рыдала даже на его похоронах.

7 Глава

Подушка мокрая. Во рту пересохло. В груди ворочается боль, острыми лопастями рвет по живому. Ночь. Ветер за окном треплет едва прикрытые молоденькими листочками ветки. Они стучат в стекло, жалуются. Кому же мне пожаловаться? Раньше можно было прижаться к бабушкиному мягкому боку и выговорить ноющую грудную боль. Сейчас бабуля там, далеко, вместе с Юрой, и Насте пока к ним нельзя. А так хочется.

Встала, распахнула окно, вдохнула холодный воздух. Долго смотрела вниз, представляя, как летит мимо балконов и окон, шлепается кулем на жесткий асфальт. Интересно, что чувствует человек, пока летит, успевает ли он что-то почувствовать? Страх, ужас невозможности отменить, остановить падение? А боль, боль после удара? Как долго он её чувствует? Сколько времени длится страдание до блаженного мига облегчения, свободы, смерти?

Замерзла. Закрыла окно и пошла на кухню, включила чайник. Дернула ящик стола, потянулась за чайной ложкой, увидела «мясной» нож. Приложила острое лезвие к узкому запястью, представляя, как полоснёт, но поняв, что узкая косточка, идущая от сгиба кисти, мешает добраться до вены, переместила блестящую сталь выше. Придется с силой надавить и вжикнуть, перерезать сразу. А если не сразу, станет больно и бросишь. Все ненадежно, даже таблетки. Надо точно знать, какие и сколько выпить, чтобы уснуть и не проснуться, не вырвало. Главное, чтобы никто не помешал.

Ну, помешать особо некому. Одна одинешенька. Настя хмыкнула. Целый день сегодня цитатки из неё так и сыпались. Мальчика испугала. Ах, Аполлон, ах, Аполлон! Ну, вот опять. Что ж ты такой нервный, ранимый? Артистическая тонкая натура. Натура – дура. Похоже, на раздвоение личности. Слово за слово, хреном по столу. Все. Придется выпить снотворное и утром с дурной головой идти на репетицию. А какие варианты? Выключила чайник, запила таблетку противной теплой водой из кувшина и отправилась ждать сон.

Настя боялась бессонницы. Был дело – не спала месяцок. Мука начиналась на вечерней заре. Выражение красивое, состояние дерьмовое. Вид заходящего солнца и ранних сумерек за окном неизменно вызвали чудовищное, отвратительное ощущение под ложечкой. Будто огромный солитёр впивался и сосал, вытягивал жизнь. Гнетущая тоска накрывала разом и мучила до часа Быка, сменяясь тревогой, смятением, терзающим жертву до рассвета.

С первыми солнечными лучами появлялась немотивированная бодрость выпавшегося человека. После недели без сна достигла нирваны. Балетная выучка сделала Настину походку легкой, скользящей, но тут она словила ощущение, что тело плавно приподнимается над землей и того гляди воспарит. Левитации не случилось, но телесная легкость, «летучесть», осталась. Через месяц сдалась отцовскому другу, Ивану Ильичу. Опытный психиатр успокоил, что она пока не свихнулась, просто переутомилась, выписал элениум и отправил восвояси. Сон постепенно наладился. Но страх бессонницы остался.

В одно из таких утренних парений её подловила Ольга. Заприметив Настю издали, лесбиянка рванула наперерез. Бежать было поздно. Придвинувшись как можно ближе, истекая вожделием, та ядовито поинтересовалась: «А что это у тебя походка такая скованная, вся, как на шарнирах? Заболела?»

Это был не первый случай нападения, не могла простить отказа. Настя вспомнила, как после травмы позвоночника узнала, что Ольга распространяет слухи, будто у неё деформирована спина и растет горб. Тогда, после расставания с балетом, на любой удар она реагировала обостренно. Из нирваны не было желания даже просто послать «доброжелательницу». Так и уплыла, оставив желчную суку ни с чем.

8 Глава

Но сегодня ей остро хотелось физически уничтожить подлую тварь. Тем более, что та лежала всего в нескольких шагах, на соседней койке, доступная и беззащитная во сне. Теперь Настя все хорошо продумала. Собранные за неделю таблетки снотворного, тщательно размяла и размешала в Ольгином стакане с компотом. Точно больше никогда не проснется. Настена низко наклонилась, вглядываясь в ненавистное лицо. Спит. Спит жаба. Вот они, отвратительные липкие губищи, норовящие присосаться к любой части Настиного тела, как только она оказывалась в зоне досягаемости. Похотливые, раздевающие глазенки закрыты и больше никогда не откроются. Уродливое, вечно вождедеющее тело успокоится навсегда.

Настя осторожно вытащила из-под головы чудовища подушку, накрыла сверху и навалилась. Через некоторое время Ольга задергалась, но совсем вяло. Прижала сильнее, и толчки прекратились. Тогда она осторожно приподняла орудие убийства и внимательно посмотрела жертве в лицо.

– Сдохла! Точно сдохла!

От радости хотелось кричать и прыгать, но Настена только тихонько довольно хихикала, боясь привлечь внимание ночной дежурной.

Подушку подсунула покойнице под голову и вернулась на свою кровать. Впервые за последнюю неделю она крепко и легко уснула без таблеток.

– Настя! Настя!

Кто-то настойчиво тряс её за плечи и громко окликал, выдыхая прямо в лицо противный запах табачного перегара. «Неужели не сдохла?!» – испугалась Настя. Но, увидев на плече пухлую руку с аккуратными ноготками, успокоилась: «Не Ольга». Старшая медсестра с беспокойством всматривалась ей в лицо. Повернула голову – Ольгина постель пустая. Сестра уловила Настин взгляд и лживо – успокоительно сказала: «Перевели твою соседку в другую палату. А ты все спишь и спишь сегодня. Я испугалась, что ты тоже...» И осеклась.

– Что тоже? – насторожилась Настена.

– Ничего, ничего. Ты вставай. Завтрак проспала. Обедать пора.

Тощая, спитая, неопределенного возраста нянька, Митривна, таскавшая Насте тайком сигареты, принесла обед на железном обшарпанном разносе. Видно, и время обеда уже миновало.

– Сколько времени, Митривна?

– Да уж шестой час. Напугала ты всех. Думали, что как соседка твоя, снотворным траванулась.

– Она отравилась?

– Танька – то? Ну, да. Иван Ильич говорит, видно, таблетки за несколько дней собрала, выпила разом и не проснулась.

– Постой, какая Танька? Её Ольгой зовут, звали...

– Что ты путаешь? Татьяна Первачева... Да что с тобой? Что ты?

Опытная Митривна рванула к двери. Через минуту, корчившуюся и вопящую, Анастасию спеленали, укололи.

Санитарка получила нагоняй «за свой поганный язык». А Настя, оказавшись в серых сумерках пустынной улицы, тоскливо подумала: «Сейчас бы к бабушке».

9 Глава

И пошла привычно по Интернациональной, но почему – то в обратную сторону от родного дома. На пересечении с Мира свернула к четырехэтажной хрущевке, про себя отметив, что в теперешнем бабушкином доме на первом этаже тоже булочная. Для них, любительниц свежей выпечки, хлебное соседство – большое везенье. Всегда успеешь купить рожки с маком, пока не разобрали, в крайнем случае, посыпанную сахарной пудрой сдобу.

Мелькнула мысль: «Что ж она мне номер квартиры не сказала?» Но уверенно, как раньше дом, определила подъезд и нужную дверь. Этаж оказался первый, пропахший сыростью и плесенью.

Настя вдавила кнопку звонка и услышала его тут, на площадке, – так громко он отозвался в тишине квартиры. Еще пару раз звонила, вздрагивая от резкого дребезжания. Сердце заколотилось, вспомнился детский страх – вдруг бабушка долго не открывает, потому что умерла. А через секунду сама чуть не околела от испуга. В квартире резко, громко и настойчиво зазвонил телефон. И с каждым ударом звонка по оголенным нервам росла уверенность, что мертвая бабушка внимательно наблюдает за ней в глазок и вот – вот распахнет дверь. Током прошибла мысль: «Так она же на самом деле умерла! Пять лет назад!» Скатилась по лестнице, чувствуя незримое, опасное присутствие покойницы.

Абсолютно пустая улица, свинцовая тяжесть сумерек и дикий страх, что вот – вот её схватит за плечо мертвая бабушкина рука, приказывали бежать, но ватные ноги не слушались.

Со стороны бывшего бабушкина дома, по проезжей части, шли люди. Они двигались колонной, как на первомайской демонстрации, следом ехали грузовики, в кузовах тоже стояли люди. Настя поняла, что выражение «волосы на голове встали дыбом» не фигуральное. Демонстранты были голые. Белые, разбухшие, как размокшее мыло, тела, огромные и безобразные, двигались, словно жуткие заводные игрушки. Когда покойники поравнялись с остолбеневшей Настей, стало ясно – они её не видят.

Настена пристроилась в хвост колонны и скоро вместе со всеми дошла до старого кладбища, примостившегося возле заброшенного аэропорта. Она почему-то решила, что у них здесь очень важное дело. И не ошиблась. Теперь стало ясно, что ужас ужасов тоже существует. Почти все могилы оказались разрытыми, гробы развороченными, а трупы раздеты и выброшены из могил. Такие же неестественно белые, распухшие, как её спутники, только неподвижные. Надругательство над беспомощными телами, бесстыдно выставленные напоказ гениталии мертвецов, привели Настю в ярость: «Смерть безобразна, но беззащитна. Что ж это за сволочь тут вандальничала? Мразь!» И озадачилась: «Как же я их всех одна приберу? У меня и лопаты нет. А бабуля, как Юра, пугала, чтобы не просилась к ней».

Завязала в узел непослушные волосы и пошла искать лопату.

10 Глава

Телефон голосом китайской игрушки изображал Моцарта и затыкаться, похоже, не собирался. «На чем они там играют, когда звонки записывают? – разозлилась Настя. – Придется взять. Все равно, кроме меня некому. Что у них за кладбище такое, телефоны есть, а лопат нет. Ну, где же ты?» Аппарат лежал на рыхлой земле, выброшенной из могилы. Настя потянулась и наткнулась тыльной стороной ладони на угол тумбочки. Выругалась и открыла глаза. Точно, Сонька вчера нашкодила, звонок поменяла. То – то у неё морда хитрющая была, когда под предлогом «дай позвонить, а то мой сел», шарилась в её телефоне.

– Что, сволочь, звонишь убедиться, что шутка удалась? – хрипло поинтересовалась Настя.

– У меня все всерьез. А сволочью, даже и не припомню, кто меня в последний раз называл, – близко, будто лежал рядышком на кровати, сказал Андрей.

– Память короткая, – пошутила Настя. А сердце, совсем как недавно с Олежеком, зануло.

– Разбудил? У тебя выходной или Тамарка смиростивилась, расписание поменяла?

– От неё дождешься милости, как и от тебя, – и тут же поинтересовалась, – кстати, ты не знаешь, где у змеи находится яд?

– Железы у неё специальные во рту...

– Молочные?

– Ядовитые. От них канал идет к зубам. Когда кусает, надавливает на железы, и яд перетекает в зуб, а уж потом в жертву. Ничего ты о себе не знаешь.

– Зато ты, похоже, познал себя полностью, – отрезала Настя.

– Собачимся, как обычно, – вздохнул Андрей. – Ты мне приснилась.

Настя чуть было на автомате не ответила: «А ты мне нет», – но промолчала. Представила, как она рассказывает мужу сон про кладбище, а он, как всегда, слушает только её голос, абсолютно не вникая в смысл слов, и зарылась с головой в одеяло.

– Соскучился по тебе, – пробился сквозь холлофайбер родной голос.

Так он был хоть немножко дальше. Говорил смело, точно зная, что не бросит свой блядский театр и не рванет к ней в Тьмутаракань. Он даже когда-нибудь осмелится снова сказать ей, защищенный тысячами километров, что любит. Телефон все стерпит. Безопасно.

– А мне приснилось, что мы женились. Я была пьяненькая и в мокрых пуантах, а ты, как обычно, на высоте. Но подпоил меня ты.

– Тоже, как обычно, – засмеялся Андрей. – Хочу потрогать твои кудряшки. Вижу, как наматываешь локон на палец.

Это было выше человеческих сил.

– Локон, – передразнила она. – Локоны у девочек в партере, а у меня кудри. Все, мне пора собираться.

Молчание.

– Аллю! Отключился?

– Нась?

Удар ниже пояса. Нельзя её так называть, там, за тридевять земель, собираясь вернуться в следующей жизни. А может, и совсем не собираясь.

– Мне, правда, пора. Пока.

И быстро нажала отбой. Едва отдышалась, телефон зазвонил снова. Не вытерпев пластмассовой музыки, ответила:

– У тебя сегодня нет репетиции или девушка бросила?

– Репетиции – твоя епархия, а на девушек я пока не перешла. Хотя, чем черт не шутит, если ты вдруг согласишься, может, и попробую, – прокуренным басом сообщила Сонька.

– Дура ты! И шутки у тебя дурацкие, особенно про звонок.

– Не понравилось? – деланно удивилась подруга. – Не любишь ты Моцарта. Темнота! А что, Андрей звонил?

– Андрей, не Андрей, какая разница, – взвилась Настя. – Ты чего с утра трезвонишь?

– Договаривались, – обиделась Сонька.

– А-а-а! Нам же в баню! Ты номер заказала?

– Заказала, – все еще обижался бас. – На двенадцать.

– Все, бегу. Давай, пока. Да, Сонь!

– Чего?

– Не злись.

– Еще чего? На больных не обижаются, – заржала Сонька и отключилась.

Грудь у Соньки была красивая, но, по её словам, давно, когда Крупская была еще девушкой. А сейчас две здоровенные дыни уныло глядели в пол, приободряясь только в шитом на заказ бюстгальтере. На других частях тела мясаросло непропорционально меньше, и дыни, покоясь на арбузике живота, все равно выделялись.

– Эх! – мечтала Сонька, намыливая зрелые плоды, – отдать бы половинку при разделе имущества моему Петюне. И ему хорошо, бабу надувную покупать не надо, и мне легче.

– Тогда еще кой-чего придется положить в довесок, – засмеялась Настя.

– Щас! А я чем писать буду?

– Молодец ты, курить бросила, – блаженно затаившись, – похвалила подруга.

– Я много еще чего бросила. Тебе кто не дает?

– Так я, вроде, тоже. Петюню, вот, бросила.

– Я не о том. Мне тут недавно сон приснился, что в вашей конторе ремонт сделали. И стала она похожа на еврокуратник.

Сонька расхохоталась.

– Да уж! Если случится такое чудо, наш памятник точно превратят во что-нибудь несуразное.

– Сонь, тебе не надоело всю жизнь там сидеть, одно и то же делать?

Подруга задумалась.

– Так я не умею больше ничего. Это ты у нас талантами обременена. А я ...

– Но ты же и не пыталась.

– На базаре торговать? – желчно поинтересовалась Сонька.

– Зачем, на базаре? Неужели тебе что-то новое не хотелось попробовать. Научилась бы.

– Эх, если бы, да кабы, я бы еще пару раз замуж сбегала. Но ко мне, в отличие от тебя, в очередь не стоят. Приходится куковать.

– Я, несмотря на очередь, тоже кукую, – мрачно заметила Настя.

– Да, ладно, чего ты? Не депрессуй, – подхватила подруга. – И потом, кто тебя от культ-придурков прикрывать будет? А так у тебя...

– ... «там» свои люди, – договорила за неё Настя. – Знаю – знаю, на днях кислоглазый неуч, Иван Ильич, попрекал.

И Настя со злым юморком поведала о заседании кафедры, стычке с Тамаркой и других местечковых новостях. Сонька для кулуарных сплетен самый подходящий человек. А про сны, звонки, разве с ней поговоришь. Попробовала сегодня, вон, что вышло – обидела.

11 Глава

Про сны ни с кем не поговоришь. Только с Митей получалось. Но Митя далеко, не там, где Юра с бабулей, чуть ближе – за океаном, – но все равно недоступен. «Ебанент временно недоступен», – вспомнилась шутка из дурацкого анекдота. Как выяснилось, не временно, навсегда. Он то, как раз, брал её с собой, да она не поехала. Правда, до отъезда Митя успел сделать ребенка какой-то старой деве из музучилок, а Настена выйти замуж за Андрея, но такие условности им некогда не мешали. Просто ей и в голову не приходило с ним поехать, и, главное, что он может этого хотеть. Как выяснилось, он был уверен, что где бы и с кем оба не фестивалили, – все равно они пара, предназначены друг другу. Каждый раз удивлял её детской непосредственностью в своей уверенности.

Проболтавшись в Питере год, готовясь к эмиграции, изучая на тайных явках Иврит, и что там у них еще положено, вдруг явился. И страшно удивился, что она замужем. Особенно его задела фантастическая красота Настеного избранника. Напрягся, стушевался на себя непохожий. Потом спросил в коридорчике: «Зачем ты вышла за него? Нам же надо уезжать?» «Первый раз слышу. Кому – нам? Куда? Кто мне об этом сказал?», – искренне изумилась Настя.

Митя всегда был уверен, что она его понимает без лишних слов, с ней не нужны специальные договоренности. Настя не понимала или делала вид, или все же обижалась на него за свободное дрейфование. А он верил, что они одинаковые.

– Мить, мне сон приснился.

Митя взгромоздил её на холодильник, и, обняв колени, заглядывал снизу в глаза. Он все время ставил её на какой-нибудь пьедестал – на стул, на диван, на парапет – и поклонялся. Сейчас стянул в прихожей пальтишко, утащил на кухню, усадил на холодильник и стосковавшимися глазами разглядывал свое божество.

– Мить!

– Да...

Она провела пальцем по его смуглой щеке, скользнула на шею, на грудь. Бездумно, привычно, пытаясь точнее сформулировать свое ночное переживание. А он залился краской от возбуждения и с силой сжал её ноги. Совсем не ожидала такой бурной реакции – он, оказывается, на самом деле скучал и хотел её до одури.

Для Настены его проявления чувств всегда были неожиданностью. Вот он стоит на пороге ранним утром восьмого марта, смущенно перетаптывается, вынимает из-за пазухи цветок, а на улице мороз двадцатиградусный. Или вдруг приходит к ней в больницу, в палату для тяжелых и обосновывается, как у себя дома. Таскает на руках в сортир, причесывает, веселит соседок, привозит телевизор, торт, заводного цыпленка. Несет Настю в коридор, подальше от любопытных глаз, усаживает на колени, приглаживает непослушные волосы, баюкает как ребенка, выслушивает её дикие сны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.